

Герои Ростислава Плятта

Многие образы созданы народным артистом СССР Ростиславом Яновичем Пляттом: Жорж Вийнчик из «Лешего» А. Чехова, Раевич из пьесы В. Билль-Белоцерковского «Штурм», Беркутов из драмы Н. Виргы «Летом небо высокое», Дрон из «Чайки» А. Чехова, Левин из драмы А. Крона «Второе дыхание».

Образы, виденные ранее, которым дал жизнь на сцене Р. Плятт, сопровождают нас всю жизнь, от них мы перенимаем что-то бесконечно дорогое, ясное и нужное. Он — великолепный мастер характеристик, глубоко раскрывающих внутренний мир людей. Красочность, радость игры и богатая фантазия — от этих трех спутников никогда не отрывается Ростислав Плятт. Он не принадлежит к актерам, рассказывающим зрителям, кто его герой. Он полагается на воображение зрителей. Плятт говорит, действует, отстаивает свое убеждение, загорается или складывает оружие так, словно нет никого, кто бы за ним наблюдал. Мы сидим в зале и понимаем: сейчас мы свидетели настоящего искусства.

В работе Плятта особенно радостна его умная и смелая, подлинно современная по своему смыслу психологическая точность. Красоваться своими переживаниями или, тем более, искать сочувствия — не в натуре Ростислава Плятта. Потому-то Плятт и посмеивается в иные горькие часы своей жизни (монолог Шоу о смерти матери), потому-то и кажутся такими неожиданными его переходы из одного эмоционального состояния в другое. В его игре сливаются воедино условность и правда. В «эпистолярной комедии» Джерома Килли «Милый лжец» рассказана история многолетней любви и дружбы великого писателя Бернарда Шоу и талантливой актрисы Патрик Кемпбэлл. Р. Плятт играет с деликатной легкостью, изяществом, в его игре есть сплав правды и условности, глубокие душевные переживания и насмешливое театральное притворство, счастливое сочетание фантазии и реальности.

Хочу отметить одну особенность, присущую многим обра-

зам Ростислава Плятта: Бернарда Шоу, Цезаря, Беркутова он насыщает эмоциональным богатством, оставаясь внешне сдержанным. В Р. Плятте—Шоу есть и юмор, и ирония, он то зоркий политик, мастер афоризма, то по-интимному сердечный, безрассудный мальчишка, в пятидесятилетнем возрасте опьяненный любовью к звезде звезд Стелле Кемпбэлл. Внешне актер не преобразуется, ему не важно портретное сходство. Шоу Плятта очень остроумен, он не жалеет никого, даже любимую женщину. И в то же самое время он может быть речлив, наивным, по-мальчишески озорным: Как юноша он спешит к любимой, как горький насмешник не жалеет и себя. И все же главная линия Плятта — гражданственная страстность. С большой эмоциональной силой обрушивается Шоу—Плятт на мерзейшее из уродств капиталистического строя — фашизм. Вариант театра имени Моссосвета, который переводила Эльза Триоле, отличен от текста в том смысле, что в нем острее звучит антивоенная тема.

Хотя по действию спектакля пролетает 40 лет и удивительные актеры — Любовь Орлова и Ростислав Плятт расстаются со своими героями на сцене лет, они подчеркивают бессмертия этих героев. Письма Шоу, прочитанные Орловой и Пляттом с большой грацией и глубиной, логической психологичностью, полны протеста против бесправного положения художника в капиталистическом мире. «Через 50 лет, — пишет Патрик Кемпбэлл, — люди, наверное, будут жить в воздухе... Но летчики и тогда будут возить в своих сумках ваши письма ко мне, и все потому, что в них звучат соловьиные песни. Помните, сколько лет соловьиной трели?». И Шоу Р. Плятта доказывает, что эта соловьиная песня так же вечна, как искусство, как сама жизнь. Неограниченны возможности таланта Ростислава Плятта. Наивный комизм и глубокий трагизм, простодушие и высокий полет философских раздумий, едкая сатира и подлинный гуманизм — кажется, нет красок, которых бы мы не нашли на палитре художника. Трудно

сказать, где ярче проявляется почерк актера — в нервных, многогранных, полных противоречий характерах или в уравновешенных монологичных личностях.

Беря на себя задачу разоблачения человеческих пороков (вспомним такие роли, как Бубенцов в фильме «Весна», Нинович в комедии Б. Нушича «Госпожа министрша» или Президент из спектакля «Будт женщин»), Плятт перевоплощается на сцене в подлека, чинушу, мироеда. И чем глубже артист вживается в образ, чем глубже выявляет его отрицательные качества, тем гражданственнее результат его труда, тем радостнее творчество.

Найдя основной мотив образа, его особую мелодику, Плятт не впадает в орнаментально-декоративную позу.

Стиль игры актера великолепно соответствует его особому восприятию окружающей жизни и характеров, создает ощущение первоначальности и откровения, без которых не существует искусство. В творчестве Плятта философские раздумья о человеке, о своем времени глубоко субъективны. Поэтому иногда возникает желание поспорить с ним: например, не чересчур ли академически уравновешен Цезарь Плятта (Б. Шоу «Цезарь и Клеопатра»), не слишком ли спокоен и мягок этот римлянин? Кажется, что в пьесе Шоу больше динамики, темперамента, страстной борьбы, непрекращающегося поединка патетики и слов. Цезарь же Р. Плятта только ироничен как к своим победам, так и к маленькой Клеопатре. Может, сама постановка «потускнела» от времени? Хотелось бы, чтобы Р. Плятт еще резче и активнее произносил знаменитый монолог: «И так до окончания века — убийство будет порождать убийство, и всегда во имя права и чести и мира, пока боги не устанут от крови и не создадут породу людей, которые научатся понимать».

Однако спорить с Р. Пляттом приятно: он никогда не оставляет нас равнодушными, в каждой его работе есть частица его сердца.

Г. ТРЕЙМАНИС.